

ВОЛЧЬЯ ЯМА,

или ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

«Человеку, особенно молодому, полному сил, свойственно считать себя неуязвимым, чуть ли не бессмертным и надеяться, что любые несчастья обойдут его стороной»
(Веденев В., «Двести тысяч золотом»)

«Он вглядывался в звёздное небо и содрогался, но не от того, что было уже слишком холодно, а от того морозного страха перед тем, что его ожидало»
(Вронский К., «Сыскной воевода»)

Именно так оно и обстоит в жизни: пока молод и полон сил, то, как правило, и не думаешь о каких-то больших неприятностях, которые могут с тобой случиться. Просто растёшь и радуешься жизни. Конечно, человек видит, как уходят из жизни родственники, соседи, земляки. То есть вполне осознает, что жизнь – конечна, так устроен этот мир, и ничего не поделаешь. И, тем не менее, в молодости особого значения этому не придаётся. Когда-де это случится?! Вся жизнь впереди! Ну а если вдруг – нечто непредвиденное и жизнь разом и досрочно оборвется? Но человек сразу же сам себя и успокаивает: а почему досрочно и почему обязательно со мной? Нет, со мной ничего такого не должно произойти. Вот примерно в таком ключе рассуждают подростки и вообще молодые люди. Я не был исключением из общего правила, примерно так же рассуждал. Но как-то случилось однажды...

В то время, когда произошёл случай, о котором вам сейчас хочу рассказать, я учился в предпоследнем, десятом классе Родинской средней школы, находившейся в районном центре Родино, одном из многих сёл, разбросанных на продуваемой всеми ветрами территории Степного Алтая. Ветры у нас дули знатные, бывало, по два-три дня, без перерыва, круглосуточно воеет и кружит метель, в двух шагах ничего не видно. И горе путнику, застигнутому таким бураном в степи! Были, к сожалению, такие случаи, когда люди пропадали в ненастную погоду. В нашем небольшом посёлке Соколовка, в котором тогда я жил с родителями, такой печальный случай как-то произошёл. Некий дядька из нашего посёлка заблудился в метель и сбился с дороги. Ему бы вожжи отпустить, лошади довериться. Лошади имеют чутьё и в большинстве случаев безошибочно находят дорогу. Но дядька тот решил самолично разругнуть ситуацию, и, к несчастью, просчитался. Вот и заехал, сбившись с дороги, в березняк, лошадь по брюхо провалилась в снег, сани застряли. Сам дядька тоже далеко не ушёл... В результате нашли бедолаг только через три дня, когда метель, утихнув, белым саваном укрыла всю местность. Так что шутки шутить с метелью я бы нико-

му не советовал. Даже если и вешки сигнальные вдоль дороги стоят, всё равно очень легко можно заблудиться, когда вокруг сплошная снежная пелена и порой трудно разобрать, что, где и куда.

И пробиться в такую погоду через снежные заносы могли только мощные тракторы или вездеходы, которых в те времена было не очень много. И потому зимой движение на просёлочных дорогах несколько замирало и переходило в неактивную фазу. Но в самих сёлах, деревнях и посёлках жизнь по-прежнему пульсировала, а это требовало общения между населёнными пунктами. И в ненастную погоду выходили из положения следующим образом: по просёлочным дорогам в райцентр и обратно курсировали санные поезда, наподобие тех, что разъезжают в Антарктиде. Конечно, поездом этот наш транспорт можно было назвать условно, потому как в составе этого санного поезда, кроме тягача гусеничного С-100 или мощного колёсного трактора К-700, имелся всего только один «вагон»: дощатый утеплённый дом, установленный на мощные деревянные полозья. В этом передвижном доме имелись сиденья-лавки вдоль стен, стол, а у входа была печка-буржуйка, которая топилась дровами. Вот такой санный поезд местного разлива, который называли коротко «Будка», и прибывал в райцентр где-то около 10 часов дня. В ней привозили молоко для местного молокозавода, приезжали жители окрестных посёлков по своим делам, кто в больницу, кто в магазин, кто в гости, кто ещё по какой надобности. Обратным же рейсом, примерно в 15 часов дня в посёлок увозили почту, товары в магазины и прочее. А ещё в субботу в этом надёжном и зачастую единственном средстве передвижения возвращались домой на выходной день и мы, школьники. В воскресенье же, само собой, возвращались опять на учёбу. Правда, уже попозже, часов в 17.

И вот как-то я чего-то подзадержался по своим делам и опоздал, уехала «Будка» без меня. Огорчился я безмерно, потому как домой хотелось мне попасть очень сильно, ибо именно сегодня, 30 января, у меня был день рождения. Сколько себя помню, никогда мой день рождения на лето не приходился, только зимой. Такая выпала мне судьба, ничего тут уже исправить нельзя. И потому обычно на мой день рождения всегда стоит приличный, а иногда и вовсе даже неприличный, зверский мороз. И так всегда было. Мама рассказывала, что когда я родился, мороз вообще стоял страхолюдный. Тяжело я появлялся на свет, думали, не выживу. И тогда мой отец впряг в лёгкие сани-кошёвку колхозного жеребца и помчал за три километра к сельскому фельдшеру. Отец успел привезти его, закутанного в шубу, в нашу землянку, в которой тогда жили родители (время было послевоенное, трудное), где я уже попрощался с этим миром, даже не успев ещё толком сориентироваться в окружающей действительности и хоть как-то сгруппироваться для отпора напастям. Он-то, этот фельдшер, ссыльный киевский еврей по фамилии Бацура, и вытащил меня с того света, за что я ему, конечно, неизменно благодарен.

Однако в тот день, о котором я рассказываю, мороза, на удивление, не было, а наоборот, мела сильная метель. Конечно, не настолько сильная, что белого света не видно, но всё же вполне достаточная для того, чтобы доставить значительные неприятности путнику. Однако молодости, как я уже упоминал в начале своего повествования, свойственно мало задумываться над последствиями

своих не всегда обдуманых поступков, и потому, будучи непреклонно уверенным в правильности принятого решения, а уж тем более – и в своих силах, я тут же выступил в пеший поход по следам санного поезда. А пройти мне предстояло около 13 километров до села Степной Кучук, где я когда-то учился в восьмилетней школе, а оттуда уже оставалось примерно три километра до родного посёлка Соколовка. В общем, 16-18 километров составляла суммарная протяжённость маршрута, который мне предстояло преодолеть. Казалось, что здесь такого? Расстояние невелико и если летом, да на велосипеде, то и говорить о нём бы не стоило. Бывало, с ребятами в походах за сусликами и большой километраж наматывали. Но то – летом, а зимой, да ещё при встречном ветре, да проваливаясь в снег иногда по колено, – траншеи от санных полозьев «Будки» быстро заносило снегом – эти километры вовсе не так легки, как покажется иному читателю. Ветер с силой бил навстречу, стегая снежной метлой, и надо было отворачивать в сторону лицо, чтобы глотнуть воздуха. Тяжёлое длиннополое пальто – подарок деда Романа – хорошо защищало от ветра, но совершенно не способствовало быстрой ходьбе, и потому я медленно тащился по снежному гребню, наметённому на грейдере, перекладывая из руки в руку сумку с книгами и поминутно проваливаясь по колено в полузаметённой снежной колеетраншее. Эти провалы досаждали мне и сильно замедляли темп движения, но выйти из колеи я боялся, ибо в такой снежной круговерти можно было запросто затеряться и уйти в степь безвозвратно. Случай с нашим односельчанином я помнил хорошо, поэтому мужественно преодолевал снежные километры, не покидая колеи, поворачиваясь то боком, то спиной навстречу свирепствующему ветру. По времени уже я должен был – как мне казалось – прошагать половину маршрута, но встречавшиеся по пути и выходящие к дороге еле видимые в белёсой мгле ветрозащитные полосы из берёзок и тополей давали понять, что шагать мне ещё и шагать.

Так я и шагал, механически переставляя ноги и постепенно приходя мысли, что принятое мною решение о походе в метельную погоду было, мягко говоря, не совсем разумным. А поскольку среди этой воюющей на разные лады снежной круговерти я был один и красоваться мне было совершенно не перед кем, то я откровенно назвал свой малообдуманный поступок идиотским. Тем не менее я по инерции продолжал двигаться вперёд, хотя уже начал подумывать над тем, чтобы повернуть назад. И только юношеское самолюбие придавало мне силы и упрямо толкало вперёд. Но самолюбие самолюбием, а я начал понемногу уставать в борьбе с гудящей снежной стихией. В конце концов я остановился, словно витязь на распутье и, повернувшись спиной к ветру, задумался. Назад идти чертовски не хотелось, но и шагать вперёд, налегая грудью на ветер или двигаясь боком, словно краб, тоже вызывало мало соблазна. Третьего было не дано, и я стоял, тупо уставившись перед собой на дымящийся от ветра снег, размышляя, как тот самый буриданов осёл, который, по уверению математика, не лишённого чувства юмора, никак не мог выбрать, какую же кормушку ему предпочесть: левую или правую. Мне же, в отличие от математического буриданова осла, выбор надо было сделать в обязательном порядке, причём быстро, ибо зимой темнеет рано...

Но тут я заметил, что сила ветра несколько ослабла. Сначала подумал – показалось, но, оглядевшись вокруг, понял: нет, не показалось, ибо хоть и призрачно, но в наступающих сумерках виднелись телеграфные столбы, тянувшиеся вдоль дороги. А ведь расстояние между ними, кажется, около ста метров. Но ведь при моём выходе из райцентра цепочка столбов совершенно не просматривалась. Нет, пурга явно шла на спад. Это меня весьма воодушевило, и я уже без колебаний решил: только вперёд. И снова упрямо зашагал к намеченной цели...

Погода и вправду улучшалась, ветер стихал, и снег, до этого злобным вихрем кружившийся вокруг меня, начал укладываться на окрестные поля, словно усталая, вдоволь набегавшаяся псина. Это меня подбодрило, да только ненадолго. Климат сибирский, как говорится, мерзко-континентальный, и потому зимой набор погод довольно небогат. Скучен он, если говорить откровенно, и потому отсутствие метели зачастую компенсируется морозом. Так было и в тот раз. Ветер совсем утих. Стремительно темнело, рассеялись низко висящие тучи, и на небе стали появляться первые звёзды. Шагать стало чуток легче, и я попытался ускорить темп движения. Но шагать ускоренно по снегу равносильно подъёму по склону песчаного бархана: достигнутые результаты мало соизмеримы с затраченными усилиями. Легкий морозец, играючи, пощипывал щёки, бодрил, и сначала всё было вовсе даже неплохо. Но тем и своеобразна наша страна, страна немыслимых просторов, полноводных рек, бескрайних лесов. У нас всего через край и даже чуточку больше, в том числе – и морозов. Лёгкий, бодрящий морозец постепенно набирал силу и начал придавливать. Я старался шибче шевелить уставшими ногами. И вот наконец-то впереди, показалась цепочка жёлтых огней. Я приближался к селу Степной Кучук. Большая часть пути была позади, и я, окрылённый проделанным, решил не идти через центр села, дабы не наматывать на усталые ноги пару лишних километров, а свернуть, не заходя в село, правее, и через полкилометра выйти на дорогу, ведущую к моей родной Соколовке. Именно так я и сделал.

И, как оказалось вскоре, совершенно напрасно. То есть теоретически решение было правильным, но только теоретически. На практике мне всё же следовало поближе подойти к лесопосадке, тянущейся вдоль окраины села, вдоль этой лесопосадки проходила объездная дорога, и снег там был более плотным. Но, по-видимому, в тот день лимит моих неправильных решений был ещё не исчерпан, и потому я легкомысленно двинул, не доходя до лесопосадки, вправо, понадеявшись на твёрдый наст в заснеженной степи. Но правильно говорят: надежды юношей питают... Снежная равнина, которую я предполагал стремительно пересечь, сэкономив время и силы, оказалась полем, на котором лежал глубокий, более полуметра, снег. Наст был тонким и часто меня не выдерживал. Я рушился по колено в снег, с трудом вытаскивая ноги. Снег сыпался за отвороты валенок, темп движения был безнадежно потерян. Я запыхался, взмок, барахтаясь в снежном песке, но останавливаться было нельзя, потому как мороз не шутил. Закусив губу от усердия, я по колено в снегу пробивался туда, где, по моим расчетам, должен был подсесть дорогу на Соколовку. А ведь что мне стоило пройти еще немного в направлении села и затем по твердому насту бодро шагать вдоль лесопосадки! Так нет же, неуёмное желание сократить, сделать

как лучше привело меня к непродуктивным затратам сил и времени. Но был и положительный момент во всём происходящем: накапливался бесценный жизненный опыт, и приходило осознание того, что стремление сделать как лучше не всегда разумно. Ибо так бывает (и не так уж редко!), что лучшее – враг хорошего. Примерно так я рассуждал, рассекая пустынное поле под тёмным небом, которое уже достаточно густо усеяли мохнатые звёзды.

Но кончается всё, даже самая тяжёлая дорога, и наконец-то я различил впереди снежный вал бульдозерного следа, видимо, сегодня поутру или вчера очистили дорогу трактором. Кроме того, в тусклом свете выкатившей на небосвод луны я увидел, что из Степного Кучука выехали сани-розвальни, запряжённые бодро бегущей лошадкой. На санях, закутавшись с головой в тулуп, бесформенно хохлилась тёмная фигура. Похоже, пришла, полоса везения! Я приободрился, суетливо забился в снегу, словно птица, попавшая в силки, и заорал:

- Эй! Эй, на санях! Я тут! Подвезите меня! Эй!

Ага, как же, заорал. Это я хотел заорать. А на самом деле я так выбился из сил, что просто судорожно хватал ртом морозный воздух и издавал всего лишь какое-то невнятное бульканье и хрип, словно сиплый матрос из «Оптимистической трагедии», был такой кинофильм. Да и расстояние было великовато, для того, чтобы возница в шапке с опущенными ушами и поднятым воротником тулупа мог слышать мои задавленные вопли. Тем более, под скрип и шуршание полозьев. В общем, проплыл гужевой транспорт мимо меня, словно мираж с пальмами перед бедуином. Огорчился я неимоверно. Вот ведь невезуха сегодня! Ни одного светлого момента! Но что делать? Значит, не судьба мне сегодня подъехать на транспорте. Придётся шагать. И я снова устало побрёл, таща за собой валенки и утешая себя тем, что осталось мне идти всего каких-то три километра. Но ведь и три километра – это дорога. Тем более – зимой. Тем более – в мороз. Это – дорога. И тут много чего может произойти даже на таком вроде и небольшом отрезке пути. Великому помору Михаилу Ломоносову тогда здорово повезло, и он смог добраться с рыбным обозом из Холмогор до Москвы. А не случись такой оказии?! И кто знает, как бы развивалась в таком случае российская наука, не будь попутных саней?

А моя дорога, хоть и была переметена снежными заносами, но всё же неплохо держала ногу, не сравнить с тем, как я совсем недавно рассекал снег в чистом поле. Я приободрился и зашагал по следу санных полозьев. Светила луна, мерцали звезды, в их призрачном свете искрился снег. Вокруг царило полное безмолвие. Только один Мороз Иванович, знай себе, понижал градус, потому как середина зимы. Потирая рукавичкой щёки и нос, я спешил к еле заметным огонькам моей маленькой Соколовки. Холодная ночь нынче будет, волчья – подумал я. Про волков-то я так подумал, в книжке где-то вычитал, что такая морозная ночь зовётся волчьей. Волков у нас сейчас, к счастью, нет. Правда, как-то мои сестрёнка и брат, будучи малолетками, наткнулись на старого и, по-видимому, больного волчину. Однако тот ничего такого предосудительного не совершил (или не успел?), а прибежавшие мужики догнать его не смогли, серый разбойник ушёл в лесопосадку. Такой случай был. Но вот раньше, до войны, да и в войну – тоже, волков было в наших краях много, и шалили они в наших

степях отчаянно. В нашей безлесой местности какие тогда были сараи? Так себе, землянки, шалаши из кольев и прутьев, обмазанных глиной, перемешанной с кизяком. А крышей такому сооружению служили дёрн или соломенное покрытие. А что для волка солома? Сиганёт ночной разбойник на такую, с позволения сказать, крышу, в два рывка разгребёт солому и – шасть внутрь. А там зарежет телка или овцу, швырнёт его себе на спину и – айда в степь. Ищи ветра в поле. И хорошо, если так, а то вообще всех сарайных жителей на клык возьмет и вся недолга. Досаждали волки в те поры сильно, ибо развелось их немерено. Даже на людей, бывало, нападали. Как-то произошёл такой случай.

Был у меня дед Андрей. Это по отцовской линии мой дед, он ещё до моего рождения умер. Во время войны был мобилизован на шахты в Кемерово, и там его не стало. Война. А сегодня гугнят некоторые: репрессированные, репрессированные... Репрессированные сейчас доплату к пенсии получают, а мы даже не знаем, где могила деда. И двое его сыновей ушли на фронт, а вернулся только один – мой отец. Вот такие дела были. Лихое время. Но не о военной године сейчас речь, а сейчас я расскажу о происшествии, которое с моим дедом произошло еще до мобилизации. Вышел как-то поздним вечером дедушка проверить сарай с живностью. А заодно и «цыгану долг отдать». Короче, до ветру пошёл мой дед. Тогда какие, пардон, туалеты были, если даже сарай для скота не из чего было сделать? Смех один, а не туалеты. Загородка трёхстенная из лозняка вокруг ямы – вот вам и отхожее место обозначено. Не финский унитаз, понятное дело. Но некоторая санитария всё же соблюдалась. К сожалению, и ту убогую строительную конструкцию заметало с верхом снегом в зимнюю пору. Да что там туалет? Дома-землянки заметало по самые трубы. Так что приходилось сельчанам откапывать по утрам друг друга. Я же и говорю – мерзко-континентальный климат у нас. И потому нам очень сподручно конкурировать с Гонконгом, где лёд видят только в холодильнике. Но это так, к слову пришлось...

Ну, так вот, вышел мой дед на улицу. А ночь тёмная, звёздная, морозная. Волчья, одним словом, ночь. Дело было после бурана, сугробы намело высоченные. Туалет, конечно, тоже замело, но дело-то надо делать, против природы не попрёшь. И вот, пока мой дед раздумывал, как удобнее предаться медитации, именно в этот самый момент матерый волчище сиганул на деда. По-подлому сиганул, сзади, на спину. Скокнул волк ему на спину и сразу же вознамерился деда за загривок взять, как у них, у волков, в обычае заведено. Но в тот раз просчитался волчара. Не сработал его приём. Шея у деда была надежно прикрыта овчинным воротником, так что не смог зверюга молниеносно добраться до дедовой шеи. Словом, не сработал волчий блицкриг. Но тем не менее ситуация для моего деда Андрея была аховая. Отчаянная была ситуация, если откровенно. Сами понимаете, в такой ситуации, при неожиданном нападении сзади – какой из мужика боец? Вот именно, неважный боец. Никакой, можно сказать. А волк тоже отступать не хочет, чует живую плоть, хрипит от злости, голодный, видать, вцепился в шубу, рвет воротник, полосует овчину. Тут надо сказать, что мой дед был мужик не хилый. Да в то время какой он был дед? Он мужик был в самом соку, как говорится. Высокий ростом и в плечах не слаб. В общем, неплохо выглядел. Только потому он и смог из полусогнутого положения ухватить волка за

«пейсы» и перебросить его через себя. Хрястнул дед серого наглеца с размаху о твёрдый наст и тут же навалился на него всем своим весом. Ну и пошла борьба – кто кого. Однако недолго та возня на снегу под звёздным небом продолжалась. Дед быстро сумел нащупать вражескую глотку, сдавил её что было мочи, и вышел победителем из навязанной ему схватки. Хорошо, что волк был один, а то бы деду не выкрутиться. От стаи серых разбойников врукопашную отбиться невозможно, даже ловкому и сильному...

Вспоминал я это происшествие, шагая по дороге, и радовался, что волков у нас теперь нет. Ибо если бы налетели сейчас, то моя жизнь ничего бы не стоила: деревьев поблизости, вдоль дороги, чтобы взобраться на ветки, не было, да и сколько бы просидел в мороз на том дереве? Так что в мгновение ока остались бы от школяра только пряжка ремённая да валенки...

А мороз завинчивал не на шутку, и я начал ощущать холод, несмотря даже на то, что находился в непрерывном движении. Плохо дело, наверное, за тридцать опустилась температура, прикинул я, и начал передвигаться небольшими пробежками, стараясь разогреться. Но в сильный мороз шибко не побегаешь: запыхаешься быстро, а разевать рот широко тоже не след – застудишь лёгкие. Одним словом, доставать меня начал холод, и я, как мог, пытался ускорить движение. Огоньки поселка постепенно приближались, и я обрадовался, что выигрываю у погоды. Но правильно говаривал мой другой, по матери, дед, дед Роман: «А ты нэ кажи «гоп», покы не стрыбнэш!». То есть пока не перепрыгнешь, пока не сделаешь дело. Но ведь дом-то вот он, рядом, уже показалось длинное строение кошары, в которой зимовали колхозные овцы. А я, будучи грамотным и совершенно точно зная, что одна сторона треугольника всегда меньше суммы двух других, вновь решил сократить путь. Само собой, чтобы выиграть время. И потому я свернул с санной дороги, намереваясь пересечь скотный двор, чтобы затем, вдоль огорода и соседского подворья, выйти напрямик с нашему дому. Сказано – сделано. Меня не остановило даже то, что в таком случае придется пару десятков метров пройти мимо поселкового кладбища. Нет, я не такой уж отчаянно-бесшабашный, из тех, кто от безделья, на спор, ходит ночью на кладбище. Но и не такой уж и пугливый, если мимо кладбища по делу проходить. Именно что по делу. Тогда кладбища можно и не бояться. Там ведь односельчане лежат. А им какой резон меня обижать? В маленьком посёлке все друг друга знают, живут дружно. Это в городах, в больших населённых пунктах, где обитает скопище малознакомых, а то и вовсе незнакомых друг другу людей, и где злости, зависти и взаимной ненависти имеется в достаточном количестве, а даже порою больше, вот там, возможно, и встают по ночам из могил всякие вурдалаки, упыри и оборотни, а у нас таких случаев не наблюдалось. Так я размышлял об аномальном, шагая в нужном мне направлении. Хотя, помимо воли, всё же косил беспокойным глазом на видневшуюся справа размытую в зыбком лунном свете деревянную кладбищенскую ограду – мало ли! И вот тут вдруг из-под скирды соломы стремительно вылетели два тёмных лохматых клубка и стремительно покатались ко мне. У меня от неожиданности сердце в пятки ухнуло. Да так, что пятки сразу даже немного согрелись. Однако не успел испуг взять меня в клещи по-настоящему, как таинственные клубки остановились и виновато замахали

хвостами, признав во мне земляка. Это были чабанские собаки. Улыбнулся я запоздало и даже обрадовался: всё живые души. Посвистел я им в ответ, да что собакам мой свист? Поняв, что тревога ложная, а от земляка какого-либо съестного кусочка в настоящий момент не получить, они развернулись и снова ушли под скирду ночевать и нести дальше свою собачью караульную службу. А я на рысях пересёк скотный двор, прошёл мимо кладбища, держась неестественно прямо, и приблизился к канаве, опоясывающей огорода. Ну, вот и конец моему путешествию – легкомысленно подумал я...

Молодецким скоком перемахнул через канаву, пять-шесть шагов и – вот он, соседский огород, утыканный по краю засохшими стеблями подсолнухов. Всё-таки добрался, подумал я, и это была моя последняя мысль...

Ибо правая нога вдруг совершенно неожиданно провалилась вниз. Не находя опоры, я завалился вбок, беспорядочно замахав руками и отчаянно пытаюсь сохранить равновесие. Это мне не удалось, и я полетел куда-то вниз, в падении неплохо приложившись лбом, да так, что шапка слетела с головы. В общем, ударился оземь, аж в животе ёкнуло. Хорошо приложило, даже на мгновение сознание вырубил. Но ненадолго, очухался я, осмотрелся в отсеках. Да какие, к шутам, отсеки? Погреб это был, заброшенный погреб с разобранным покрытием. И ведь знал же я о нём, а вот поди ж ты! Угораздило. Снега подна мело, а я, подгоняемый морозом, ослабил бдительность, в полутьме-то и прощитался, не разглядел, наступил на снежный карниз...

Вот незадача! Попытался я, подпрыгнув и вытянув руки вверх, ухватиться за край ямы, но не тут-то было. Руки достают, а вот о том, чтобы вылезти, и речи нет, на руках не подтянешься, зацепиться совершенно не за что, и ногам опоры нет, стенки гладкие. В общем, влип основательно. И что теперь делать? Первое, что пришло в голову – на помощь позвать. Хотя кого сейчас дозовёшься? Время уже позднее, все по домам, да и далековато от моей ловушки до жилья, причём я же в яме сижу, весь крик в небо уйдёт. Вопль в небеса. Да и насмешек потом не оберёшься, это уж как пить дать. Но делать нечего, мороз не шутит, прижимает, это я сразу почувствовал, очухавшись от своего внезапного падения. Подумалось ещё: сижу вот тут, словно волк, попавший в ловушку. Хоть вой с досады. И, тем не менее, я всё же решил позвать на помощь. Заорал, завопил дуриком, а что толку? Крик не сильный получается, сиплю больше, чем кричу. Звук в небо уходит. Да опять же, кто будет прислушиваться? Нормальные люди дома сидят, в натопленных избах, время ужинать. Сторож на овцеферме после обхода тоже, наверное, сидит в сторожке, горячий чай швыркает, отдувается, пот вытирает. Хорошо ему в тепле. И мне тоже захотелось зажевать чего-нибудь, проголодался. Ведь сколько уже шагаю заснеженными дорогами? Да к тому же и день рождения сегодня! А я тут умудрился в волчью яму попасть. Эх, вот невезуха: замерзнуть буквально рядом с домом!

В общем, мечусь я в той дурацкой яме, в которую так некстати, по-идиотски, завалился, ищу лихорадочно выход. Хотя, что его искать? Вон он выход, прикрыт шатром звёздного неба. Совсем чуток до него, до выхода, ну, мне бы ещё сантиметров двадцать: или росту или подставку какую-нибудь под ноги. Надо сказать, что в нашей семье, особенно по линии отца, все родственники были

достаточно высокими. А я вот не вышел малость ростом, подкачал. И потому в школе на уроках физкультуры предпоследним стоял, мелковат был. Вот мой школьный приятель Лёня Пятак тот вообще был ростом 2 метра 5 сантиметров! Субгигант (это я в энциклопедии вычитал), ему бы из этой ямы выбраться – пара пустяков. А для меня – сложновато. Если возможно вообще. А мороз жмёт, всё круче и круче завинчивает. Плохо дело, запросто можно дать дуба. Что-то надо срочно предпринимать, но что? Снова попрыгал, пытаюсь зацепиться за края. И снова с нулевым результатом.

Надо приспособить какую-то опору для ноги, да из чего же её соорудишь? Присел я на корточки, начал шарить руками в полутьме ямы вдоль стенок, вдруг какая-нибудь доска или палка завалилась? Только тщетны были мои надежды, ничего подходящего в снегу не завалилось, хотя и нашёл обломок доски размером с ладонь с торчащим из неё небольшим, длиной сантиметров шесть - семь, гвоздём. Пощупал я этот торчащий из обломка доски гвоздь. Хороший оказался гвоздь, старинный, то есть толстый, кованый: грани у него прощупывались. Жаль, маловат только. Но за неимением другого орудия труда можно и его использовать. Определил я примерно нужное расстояние и начал этим гвоздем ковырять мёрзлую землю, чтобы выдолбить нишу – опору для ноги. Жаль, не было у меня стойкой привычки таскать нож в кармане. С ножом бы подобную проблему решить было бы гораздо легче и быстрее. Но коль нет ножа, то пришлось использовать подручное средство.

Вот и начал я, словно книжный герой граф Монте-Кристо, ковырять стенку своей темницы. Графу не в пример легче было, его мороз не подгонял, был у него запас времени. А мне приходилось очень неважно. Руки ещё туда-сюда, двигаются, согреваются малость. А вот лицо и ноги начали ощутимо замерзать. Много позже я вычитал как-то утверждение полярного исследователя Руала Амундсена: «Холод – вот единственное, к чему не может привыкнуть человек!». Очень правильно выразился полярник! И я с ним полностью солидарен, поскольку есть и у меня какой-никакой опыт!..

Словом, ковыряю я ожесточённо землю, а мерзлота с трудом поддаётся. А что вы хотите? Сибирь, январь, крещенские морозы. Так что все условия соблюдены. Да и гвоздь, как я уже говорил, коротковат был, углубить достаточно нишу нет никакой возможности. А ведь нишу надо большого размера выдолбить, чтобы передок валенка в неё засунуть. Ибо что есть такое валенок? Это ведь не сапог, где чётко выражена твёрдая подошва. Носок валенка – это мягкая округлость. Недаром говорят: тупой, как сибирский валенок. Верно же кто-то подметил. Я имею в виду округлость валенка. А мне предстояла задача этой «валенковой тупостью» опереться на выкопанную в стенке ямы мелкую нишу и тем самым подтолкнуть себя вверх. Говоря высоким штилем, попытаться к жизни себя подтолкнуть...

И потому я работал, словно одержимый, скрёб гвоздем, и мёрзлая земля понемногу поддавалась моему отчаянному натиску. Расчистил я нишу, насколько было возможно, вглубь, на всю небольшую длину гвоздя, примерил валенок. Глубже бы надо, но нечем долбить, гвоздь мал, а обломком доски не получается, не вгрызается дерево в мёрзлую землю. А жить-то хочется. Делать нечего, надо

пробовать. Выкинул я сумку с книжками на бруствер, потоптался перед рывком, разминаясь, потом вставил носок валенка в выдолбленную нишу и прыгнул...

И всего-то мне чуток не хватило, уже я варежками по заснеженному брустверу елозил, еще бы чуть-чуть и... Но не хватило мне этого «чуть-чуть», не хватило, к сожалению. Прыжок слабоват оказался. Потому как настоящего толчка не получилось у меня. Нога соскользнула, и я снова рухнул в яму. Несколько раз пытался повторить свою попытку – бесполезно. Нет достаточной опоры для ноги. Не получается ничего, хоть плачь. Стою в яме, пригорюнился, жалко мне себя стало. Знаете, как оно обидно замерзать совсем рядом с домом? Вообще замерзать обидно, а рядом с домом – тем более. Да ещё в свой собственный день рождения! Горько и глупо, когда тебе буквально каких-то сантиметров не хватает, чтобы выкарабкаться из ловушки. А мороз давит, своеобразно стимулирует мозги, чтобы думал быстрее. Времени совсем мало остаётся, уже пальцы на руках начали плохо сгибаться. Дело к развязке идёт, еще час другой и скукожусь тут...

А что делать? Стою в своём зиндане, пальцами рук и ног шевелю, чтобы окончательно не замёрзли, а сам соображаю, ведь должен же какой-то выход быть. Думал, думал своими замерзающими мозгами и придумал. А, была - не была, всё равно ведь замерзать, если не выберусь из этой волчьей ямы. А так у меня хоть маленький, но шанс появится. Подобрал я снова обломок доски с гвоздём и, как мог, поправил выдолбленную в мёрзлой стене погреба нишу, мой опорный плацдарм для решительного наступления, когда на карту поставлено всё. Затем стащил варежки, всунул их в карманы пальто. Чуток помедлив, как перед прыжком в воду, снял тяжёлое пальто и, размахнувшись, выкинул его на бруствер. Затем снял валенок с правой ноги, она у меня опорно-толчковая и тоже выложил его на бруствер. Я понимал, что у меня одна, от силы две попытки, значит – промаха быть не должно. Ногой, одетой в шерстяной носок, упёрся в выдолбленную нишу, поелозил, проверяя опору. Вроде получалось неплохо, не то, что валенком опираться. Разутая нога холода уже почти не чувствовала...

Собрался я с духом, оттолкнулся левой ногой от дна ямы и, распрямляя правую, взлетел вверх. Вымахнув на бруствер, упал грудью на снег и беспорядочно задвигал руками, ищущи опору. Но снега на бруствере было слишком много, так что до земли докопаться я не смог. И потому закономерно снова рухнул вниз. И только с третьего раза, растолкав в двух предыдущих безуспешных попытках снег, я наконец смог прижаться грудью к земле и ухватиться негнуцимися, словно граблями, пальцами, за мёрзлую землю. Я лежал на краю ямы и понимал, что уже никуда не падаю. Подтягиваясь руками, я осторожно отползал от края, вытаскивая из ямы свои стынущие ноги. Перевернувшись на бок, откатился в снег, отполз подальше от тёмной пасти волчьей ямы, перевёл дух. Всё, выбрался. Выбрался, живой я! Да только сильно радоваться мороз мне не давал. Он крепко сжимал меня в леденящих объятиях, очевидно, ему было жаль выпускать меня из своих тисков. Встал я на четвереньки, доковылял до заранее выброшенной одежды. Подтянул к себе непослушными руками валенок. Кое-как, собрав штанину в гармошку, натянул его на ногу, набросил на себя пальто и

даже смог застегнуть его на пару пуговиц: руки уже плохо слушались. Подхватил сумку с книгами, повесил её на запястье, и, пошатываясь, практически на автопилоте, побрёл к дому. Как в полусне прошагал через соседский двор, пересёк неширокую улицу и ступил на крыльцо родительского дома. Торкнулся в дверь – заперто. Понятное дело, время позднее, гостей не ждут...

Обошёл дом с угла. Свет из окошка жёлтым прямоугольником лежал на сугробе, словно печать на сером листе бумаги, удостоверяющая, что моё путешествие закончилось. Я постучал в окошко, занавеска отдернулась, появилось лицо отца, он что-то сказал. Слов я, конечно, разобрать не мог, и снова побрёл до крыльца. Входная дверь распахнулась, на негнущихся, словно деревянные ходули, ногах я ввалился в сенцы, прямо в руки отца...

Смутно помню, как запричитала, заплакала мама. Родители усадили меня на табурет, начали растирать варежками щеки и руки. Было невыносимо больно, когда начали отходить в тепле замёрзшие руки. Потом отец помог мне стащить валенки, а мама принесла гусиный жир, чтобы смазать обмороженные места. Приведя меня в чувство, посадили за стол, мама налила тарелку горячего наваристого борща. Отец же метнулся в горницу, пошарил в своём загашнике и принёс бутылку самогона. Мама, резкий противник алкоголя и активно протестовавшая даже против пива, замахала руками:

– Да ты что, Иван, он же дитя!

– Раз такой путь проделал – уже не дитя, мужик! – резонно ответил отец. – Тем более, это же в лечебных целях...

И, несмотря на протесты мамы, налил мне половину стакана.

– Давай, Володя, прими для внутреннего сугреву...

Не скажу, что я к тому времени не был знаком с алкоголем. Честно признаюсь – был. Пробовал как-то пару раз немного вина и пива. И то и другое мне не понравилось тогда. Но вот крепкий напиток – а самогон слабым не бывает, на то он и самогон! – употреблять мне не приходилось. Но всё когда-то случается в первый раз. Случилось и у меня. Принял я «для сугреву» и размяк. От усталости, от пережитого, я пьянел очень быстро. Сделалось тепло и уютно, всё поплыло в каком-то мареве, в котором вскользь, полупрозрачно, накладываясь на окружающую меня реальность, зыбко и размыто просматривалась полузаметённая снегом колея «Будки», беснующиеся снежные вихри, ночное звёздное небо, отвесная и каменно-мёрзлая стена сумрачной волчьей ямы...

Кое-как я добрался до постели и уснул ещё до того, как голова опустилась на подушку. Спал крепко, без сновидений, опять провалившись в бездонную яму, теперь уже крепкого сна...

На следующий день никаких побочных эффектов вчерашнего моего экстремального путешествия не наблюдалось, только покрасневшие щёки напоминали о произошедшем. Через день-другой они потемнели и шелушились несколько дней, пока не появилась новая кожа.

Вот такой перпендикулярный случай произошел со мной в день моего рождения, в день, который вполне мог бы тогда стать и последним днём... Своеобразная такая как бы точка бифуркации. Проще говоря, точка времени, в которой могут возникнуть варианты событий... И не всегда эти реализовавшиеся

варианты бывают радужные. У меня тогда, к счастью, обошлось, счастливый прошёл вариант.

Тут ведь ещё что занятно: после этого случая, когда чуть было не замёрз в яме, с мной начали происходить удивительные метаморфозы. Ибо с того самого дня я стал прибавлять в росте и весьма заметно. Так что когда пришёл сентябрь месяц и я появился на школьной линейке, то мои одноклассники с удивлением отметили, что я уверенно переместился на левый фланг и занял в строю «почётное» третье-четвёртое место, дерзко доставая макушкой до плеча субгиганта, нашей районной знаменитости Леонида. По-видимому, во время моего пребывания в волчьей яме, когда я находился на расстоянии, грубо говоря, вытянутой руки от Непоправимого и ощущал в полной мере леденящее дыхание «с той стороны», произошли какое-то внутренние переключения в организме, и гипофиз заработал в полную силу. А может, переключение произошло в тот момент, когда я в «полёте» вниз крепко приложился головой о стенку ямы? Теперь уже не узнать, что же послужило спусковым крючком к запуску механизма роста. Тем более что генетически я, судя по размерам родственников, был как бы предрасположен к высокому росту. Вот так я объясняю случившееся. Хотя, конечно, достичь более чем двухметрового роста моего школьного приятеля Лёни Пятака у меня не получилось. Но если бы пришлось завалиться ещё раз в волчью яму, основательно по пути приложившись головой о мёрзлую землю, то кто знает, как пошли бы в таком случае мои «ростовые» дела? Возможно, и превратился бы в субгиганта, как Леонид.

Или вот ещё вариант развития событий. Допустим, услышал бы дядька-возница мои вопли, посадил к себе на сани и я появился дома, благополучно миновав волчью яму? И, возможно, тогда бы я и не вырос. Могло быть такое? Вполне. Но – случилось как случилось. И линия моей жизни продолжилась именно так, как она продолжилась, выйдя из той точки бифуркации, то есть волчьей ямы.

И много потом ещё было в моей жизни дорог: и пеших, и автомобильных, и воздушных. Были и другие перпендикулярные ситуации, другие точки бифуркации – случались. Ведь нестандартное, перпендикулярное – оно всегда рядом. Оно просто, затаившись среди обыденного, терпеливо ждёт своего случая, чтобы проявиться. Так что бывало в моей дальнейшей жизни всякое, чего уж там. И об этом я поведаю в другой раз.

Март, 2009 г.

ГОП-СТОП, или СВАРКА ТРЕНИЕМ

«Гоп-стоп, у нас пощады не проси,
Гоп-стоп, и на луну не голоси...»
(Блатной шлягер «Гоп-стоп»)

«А кто увидит нас, тот сразу ахнет,
И для кого-то жареным запахнет...»
(песня из м/ф «Бременские музыканты»)

История эта произошла в те времена, которые сейчас называют «лихие 90-е». Это было время, когда долгожданный Рынок наконец-то пришел на необъятные просторы нашей горячо любимой и социалистической Родины. Рынок пришёл и начал по-хозяйски осваиваться: распались многолетние экономические связи между отраслями производства, да и сами отрасли начали стремительно хиреть, рушились до самого основания промышленные гиганты, сквозь символические границы в страну хлынул поток всякого заграничного не только добра, но и дерьма, и еще неизвестно, чего больше было. Экономически развитая страна как-то вдруг в короткое время преобразовалась в барахолку, страну третьего мира, на огромнейшей территории которой торговали всем: металлом, тряпьем, честью, лесом, совестью, голосами избирателей и прочим, прочим, прочим. Но нельзя сказать, что рушилось всё, а ничего не строилось. Отнюдь. Строилось. Начинали создаваться новые промышленные корпорации, холдинги и компании, платные туалеты, шлагбаумы на дорогах, роскошные коттеджи и даже замки, а также сауны, супермаркеты и тому подобное. Очутившись внезапно на развалинах Империи, люди, методом проб и ошибок, набивая шишки, а то и вовсе расставаясь с жизнью, учились выживать в этом новом и яростном мире, где задули железные ветры и человек человеку был уже не друг, не товарищ, а конкурент. А то и вовсе, если уж совсем грубо – пища. В переносном, конечно, смысле. Я не имею в виду тех немногочисленных неадекватов, которые понимали это выражение буквально.

Итак, это было время освоения новых экономических реалий; на территории всей страны, словно сыпь на коже больного, возникли всевозможные кооперативы, малые и совместные предприятия, появилось множество людей в спортивных брюках и с печатью в кармане – индивидуальные предприниматели. Словом, был дан простор частной инициативе. В те интересные времена я проживал в славном городе Чимкенте, что находится в южном Казахстане, и так же, как многие, барахтался в беспокойном житейском море, пытаюсь удержаться на плаву. И как-то прибило меня мутной волной перестройки в частное книжное издательство. Оно только-только образовалось, все мы, его работники, стояли у истоков зарождения нового дела, и перспективы у нас были радужные, энтузиазм бурлил и планы были нешуточные. И надо сказать, у нас получалось. Директриса, «замутившая дело», была человеком энергичным, прикрытые

у неё было солидное, и дело заладилось. Несмотря на новые рыночные веяния, народ ещё сохранил некоторые советские привычки, в том числе – привычку читать книги. Привычка эта накрепко вьелась в сознание людей, и продукция нашего издательства расходилась уверенно и стабильно. Предприятие окрепло и заняло свою нишу в деле сеяния разумного, доброго и вечного. Даже в Москве было свое «представительство». Мы охватили своей продукцией юг Казахстана, Киргизию и дотянулись до Барнаула и Новосибирска. В полном соответствии с утверждением Великого Помора наше богатство стало прирастать Сибирью. Для вывоза книг использовали наёмный автотранспорт, а некоторое время спустя, уверенно встав с четверенок, обзавелись и собственным: в той же Москве приобрели автомобиль «Супер-МАЗ», чтобы меньше зависеть от наёмного транспорта. Автомобиль был не новый, как теперь говорят, секонд хэнд, то есть со вторых рук, но выглядел вполне прилично.

И вот однажды мы с нашим водителем Геной Кикотом выехали в рейс. Конечной нашей целью был город Новосибирск, с одним из книжных магазинов, вернее книжной базой, мы успешно сотрудничали. Фура автомобиля была забита книгами под завязку, но что это значит для такого мощного автомобиля как «Супер-МАЗ»? Автомобиль тянул уверенно, в кабине играла музыка, по бокам проносились окрестные пейзажи. Словом, поездка была приятной, и ничто пока не внушало опасений. Мы миновали город Джамбул, осталась позади столица Казахстана – Алма-Ата... Впереди был последний южный город – Талды-Курган. Практически закончились, промелькнули за стёклами горы, и вот-вот мы должны были спуститься на равнину. Оставалось пройти последний перевал-тягун. Но...

Но именно здесь, при подъёме на этот злосчастный тягун, у нас произошла поломка. И хотя грузовик гудел исправно, взбираясь в гору, Гена, как опытный водитель со стажем, первым учуял неладное.

– Володя, что-то с задними подшипниками. Выйди из кабины, послушай, в каком мосту...

Тягун был не то чтобы очень крутой, но достаточно затяжной, груз был тяжёлый, и потому скорость подъёма была невысока. Я на ходу выпрыгнул из кабины и, прислушиваясь, пошел рядом с натужно гудящим грузовиком. Теперь и мне был отчетливо слышен посторонний хруст перемалываемого металла. Я снова запрыгнул в кабину медленно движущегося автомобиля.

– Скорее всего, на среднем мосту тягача. С правой стороны, – сообщил я водителю свой диагноз.

– Вот же незадача – буркнул Гена. – Но останавливаться нельзя, груз тяжелый, может потащить вниз, да и не поддомкратишь машину на склоне... Будем тянуть до упора наверх.

И мы продолжали тянуть, болезненно реагируя на поскрипывание и скрежетание. Наконец тягун был преодолен. Гена принял вправо, и мы встали неподалёку от дороги на небольшой площадке. Быстро подвели домкрат, сняли колесо. Поломка оказалась серьёзной. Внешнюю обойму подшипника размололо на куски, ролики рассыпались... Вот тебе и «секонд хэнд», подвёл в самый ненужный момент. В общем, приехали. Гена перерыл весь свой

ЗИП, однако нужного подшипника не обнаружилось. Стало совсем нехорошо. Но Гена обнадежил:

– Это же трасса. У кого-нибудь да найдется, ещё светло, машины едут. Купим деталь. Это решаемая проблема.

Но оптимизм наш несколько угас, когда мы попробовали снять с оси внутреннюю обойму так некстати развалившегося подшипника. Вот тут-то и начались приключения. Внутренняя обойма настолько прикипела к оси, что снять её запросто, как говорится, лёгким движением руки, не получилось. Начали постукивать молотком, результат – ноль. Пошла в дело кувалда, но с тем же результатом. Сложность манипуляций с кувалдой была в том, что боже упаси заехать этой кувалдой по посадочному месту подшипника – тогда проблема могла вырасти до нерешаемых размеров. И мы продолжали, насколько это было возможно, ювелирно бить кувалдой по прикипевшей обойме. Да только – безрезультатно. Есть в производстве такой метод соединения деталей – сварка трением. Кстати, этот метод сварки изобретён в СССР. Одну из двух сопряженных между собой деталей подвергают быстрому вращению при наращивании давления, и детали, разогревшись, при остановке вращения намертво свариваются друг с другом. Все условия для такой сварки у нас были соблюдены, и поэтому случилось очевидное. Как говорится, классика жанра. И теперь мы, сменяя друг друга, поочередно махали тяжёлой кувалдой, лелея надежду хотя бы чуть сдвинуть с места чёртову обойму. Но ни фиги не получалось. Мёртво сидела обойма. А зубилом или там пилой по металлу её тоже не возьмешь – металл на подшипники идет особый, закалённый. В общем, проблема не решалась. Ну, разве что неплохо «подкачали» свои мускулы. Это – несомненно. Единственный положительный результат. Да.

Гена время от времени отвлекался, выходил к трассе, «голосовал», спрашивая совета и нужного подшипника. Проезжающие водители ничего не присоветовали толкового, кроме ударной работы кувалдой, но всё же, на счастье, нужный подшипник удалось приобрести. Оставалось снять чёртову обойму, однако в этом направлении мы ни на миллиметр не сдвинулись, несмотря на ожесточенную работу кувалдой.

Темнело. Движение замирало, машины проходили всё реже, а и если и случалось, то проскакивали сразу по две-три. Включив фары, они проносились без остановки. Время в стране было тревожное и, грубо говоря, на дорогах царил разбой. Лихие люди, наверное, те, кто не читал книг, свирепо шалили на трассах страны: останавливали грузовики, опустошали фуры. Иногда и вовсе пропадали бесследно автомобили, люди и груз. Был автомобиль, шёл с грузом по трассе. А потом исчезал – канул в небытие, словно в параллельный мир провалился. И бывало, сопровождающих людей не находили. При случае расспросите знакомых водителей-дальнобойщиков, они вам расскажут немало леденящих душу историй на заданную тему. Такой вот гоп-стоп в «лихие 90-е» царил на наших дорогах. Немалая часть когда-то добропорядочных граждан занималась этим, с позволения сказать, бизнесом, причем достаточно успешно: перепродавая украденный груз и угнанные авто, разбойники жили роскошно, гуляли в кабаках, покупали дорогие машины, содержали семьи и подружек. Грабёж на дорогах в

те годы был довольно прибыльным занятием. Да и не только на дорогах. Время было такое, официально этот процесс назывался переделом общественной собственности и перераспределением денежных потоков. Для того, чтобы как-то облагородить данный процесс, журналисты позаимствовали у иностранцев словечко «рэкет». Вроде как-то приличней звучит, нежели грабёж или разбой. И даже типа романтично. Помнится, даже песенка такая была: «Полюбила рэкетира Ксюша». Ну да, та самая, у которой юбочка из плюша и рыжая коса. Да.

У нашей фирмы был уже печальный опыт «перераспределения». Нанятый нами для перевозки книг автомобиль КамАЗ тормознули в Новосибирской области. Избили водителя, выгребли у него из карманов все деньги, в том числе и «солярные», забрали даже лежавшие за сиденьем рабочие мазутные валенки (а дело было летом – такой вот парадокс!), пробовали угнать тягач, но не смогли расцепить его с фурой. Содержимым же фуры, как грузом, побрезговали, взяв «на память» лишь пять пачек книг. На чём и погорели. Наших книг в области пока не было в продаже, а милиция по горячим следам вычислила банду и накрыла её. Улики (книги) были веские, и гоп-стопники загремели в места, как принято говорить, не столь отдаленные. Но это был хороший, почти благополучный исход, не считая вышеописанных издержек. Но бывало по-разному, градус разбоя на дорогах повышался, была и стрельба, и поножовщина...

В общем, тревожное было время, на переломе. Рынок же, это вам не сладкая нега времён застоя. Потому народ трассовый был настороже, особенно ночью, ибо безжалостные дорожные грабители-рэкетеры были чрезвычайно хитры, изобретали всевозможные уловки, чтобы остановить идущий по трассе автомобиль.

А мы вот так незащитно стояли у трассы, «обезноженные», и брать нас можно было голыми руками, тем более такая громадная фура, да еще с московскими номерами – очень привлекательный кус для дорожных разбойников. Но что делать? Повлиять на сложившуюся ситуацию мы не могли. Загруженные такими мрачными мыслями, мы перекусили и улеглись отдыхать в кабине.

– Гена, а что будем делать, если ночные гости придут? У тебя берданки нет?

– Не. Нету оружия. Только монтировка и кувалда, Я их у руля положил. На всякий случай.

– Думаешь, отобьемся?

– Кто знает? Будем уповать на Бога.

Гена был человеком верующим, приверженцем какого-то баптистского отвлечения. Ну, что ж, уповать так уповать, других вариантов не было. Поворочавшись в спальном мешке, я ушёл в сон, продолжая мысленно махать кувалдой. Видать, втянулся.

Утро наступило светлое и радостное, большей частью потому, что никто ночью к нам «в гости» не пришел. Это настроило нас на оптимистический лад, и мы, наскоро перекусив, вновь принялись «лёгкими» постукиваниями кувалды устранять неисправность. Однако ближе к обеду пришло понимание того, что направление это тупиковое и победы на этом пути нам не стяжать. Тоскливо осматриваясь вокруг, мы уделили внимание стоящему справа от трассы, километра в двух-трёх, селению: просматривались двухэтажные белые дома, торчала

«граната» водонапорной башни. Приняли решение наведаться туда в надежде обрести какую-нибудь помощь. Как поётся в песне, были сборы недолги, и Гена решительно зашагал в направлении посёлка. Я же остался на трудовой вахте и, перекуривая, продолжал с энтузиазмом каторжника бить по опостылевшей обойме. «Вздымайся выше, наш тяжкий молот...» Но сварка трением продемонстрировала налицо своё превосходное качество.

По возвращении Гена поведал, что есть реальный шанс отремонтироваться – поселок оказался воинской частью, принадлежавшей уже казахстанской армии, однако сохранившей некоторые свои структуры, в частности, автомобиль «Техпомощь», который и должен подъехать к нам с автогенем. И действительно, часа через полтора автомобиль выехал из поселка и запыхал в нашем направлении. Мы приободрились. Из подъехавшего автомобиля вывалились водитель и сварщик, пьяные, как говорят в народе, вдрабадан. Это нас ошеломило. Да уж... Эти ребята могут такого нам наварить – не расхлебаешь. Но выхода не было, пришлось принимать наших ремонтников такими, какие есть. Сварщик, начинающий полнеть мужчина, – казах средних лет, нетвёрдой походкой подошёл к месту работ, потрогал железо, поцокал языком и коротко промолвил:

– Исделиим... – и направился к будке автомобиля за своими причиндалами.

Он вытащил провода, сварной «держак», напялил на голову защитную маску сварщика. Мы с Геней ошарашенно смотрели друг на друга: не обзавестись бы новой проблемой: разворотит ступицу по пьяному делу и тогда нам стоять здесь, словно памятник, бог знает сколько времени. Первым опомнился Геннадий:

– Э, брат, так речь же шла об автогене, при чем тут электросварка? Ты же ось ступицы попортишь!

На что сварщик, подтягивая провода к месту работ, невозмутимо ответил:

– Для автоген газ нет. Кончился, – и тут же веско добавил для полной ясности. – Пиристройка, такое дело.

Возразить было нечего, слово «перестройка» объясняло многое, если не всё. И остальные возражения застряли у Геннадия на языке, оставалось только поклониться судьбе и уповать. Водитель «техпомощи» запустил дизель-генератор, и процесс пошел.

Сварщик, сопя и пьяно пошатываясь, набросил на полуось автомобиля куски ветхого брезента и, переступив ногами, надвинул на лицо маску. Поймал момент равновесия и ткнул электродом в железо. Мы отвернулись от фиолетовой вспышки. Гена стоял бледный, закатив очи небу. Наверно, снова творил молитву. А что ещё оставалось?

Буквально через несколько секунд сияние погасло, сварщик откинул вверх маску, повернулся к нам, улыбаясь своим круглым азиатским лицом:

– Жумыста аяктолды! Работа закончена. Снимай, пожалуйста, свой жилезка!

И покачнулся, но опять же ловко восстановил равновесие. Его лицо прямо-таки лучилось довольством и благодушием.

Мы с Геннадием смахнули брезент и осмотрели место работы. Распластанная бугристым сизым рваным разрезом на нас щерилась проклятая обойма. Гена тихонько тронул ее молотком, и та с нежным звяканьем покинула своё на-

суженное место. Мы кинулись осматривать состояние ступицы. Идеальное состояние! Ни капельки расплавленного металла не брызнуло на полированную поверхность! Ай да мастер! Вот это чувство металла! Профессионал! Молодец, что и говорить – в таком полудревесном состоянии, а смог проделать тонкую работу. Мастерство не пропьешь, говорят в народе. Да, в отдельных случаях такое бывает. И мы тому были свидетелями.

Наши спасители вновь загрузили свои сварные причиндалы в будку, получили оговорённое денежное вознаграждение и укатили домой, погудев нам клаксоном на прощанье.

Обрадованные счастливым исходом, мы быстренько «обулись» и вырулили на оперативный простор. И снова дорога, теперь уже вниз, на равнину. Прощайте, скалистые горы! Вновь замелькали неброские пейзажи мелкосопочника. Через некоторое время трасса вывела нас к небольшой мелководной речушке. Гена, не въезжая на мост, свернул на пологий бережок – смыть с себя грязь ремонтных работ.

Однако когда мы вышли из автомобиля и осмотрелись, нас ожидал новый сюрприз: спустило опять правое, теперь уже переднее колесо. Мы почесали в затылках и вновь приступили к ремонту. Но, когда снимали колесо, то вслед за ним... выпал наземь и расколовшийся подшипник. К нашему счастью, не успевший ещё прикипеть к оси. Мы оторопело посмотрели друг на друга. Как говаривал Волк из мультфильма: «Шо? Опять?!» Я уже был готов произнести несколько подходящих к этому случаю слов, но Гена радостно завопил:

– А передний подшипник у меня есть! Есть такая штука! – и полез в кабину.

Он протёр подшипник, смазал его и воткнул на ось. Кряхтя, установили тормозной барабан. Я принялся заворачивать гайки, а Геннадий оттащил колесо в сторонку и принялся разбортовывать его для замены камеры.

Закончив крутить гайку, я обернулся и увидел, что ситуация несколько изменилась. Оказывается, к нам подъехал легковой автомобиль, и два добрых молодца в спортивных штанах под «Адидас» и в джинсовых куртках уже о чём-то толковали с Геной. Еще два аборигена сидели в салоне легковушки – наверное, засадный полк. Вот тебе и ненужная встреча. Здравствуйте, дорогие товарищи рэкетеры! Бесконечно рады вас видеть, чумы на вас нет...

Численный перевес был на стороне приезжих. Я подобрал лежавшую на земле кувалду и с независимым видом подошёл к стихийно образовавшемуся коллективу.

– В чём дело, Гена? Какие проблемы?

– Да вот мужики просят фуру вскрыть.

– Это с какой радости? Мы возем груз в госмагазины, груз – книги, нечего её вскрывать. Вы кто – милиция? – спросил я самозванных досмотрщиков.

– Не, мы просто здесь живем. Это наша территория. – простодушно ответил один из приезжих.

Ну, ясен пень, денег требуют за проезд, пошла такая мода, парад аульных суверенитетов... Ишь ты, баскаки объявились, прямо как в батыевы времена. Но какие-то они несерьёзные, эти доморощенные рэкетеры. Первый раз вышли на трассу, что ли?

– А мы не собираемся здесь жить, зачем нам ваша территория? – поддержал меня Гена. – Поставим колесо и уедем.

– И чо, платить не будете?

Мы оба отрицательно покачали головами. Надо сказать, в физическом плане рэкетеры выглядели супротив нас мельче, ибо Гена тоже был малый – будь здоров, тот еще шкаф. Закончив монтаж, он поудобнее перехватил монтировку и выжидающе глядел на самозванных сборщиков дорожной подати. Я тоже стоял наготове, покачивая кувалдой. Аргументы у нас были увесистые, и приезжие задумались.

– Тогда иди, шефу нашему скажи... – и пришелец качнул головой в сторону легковой.

– Вот вы сами ему и скажите. А нам некогда, нам ехать надо... – и Гена поднял колесо и покатил его к нашему МАЗу – колесо еще предстояло накачать воздухом.

«Досмотровая группа» поплелась вслед за нами, некоторое время наблюдала за нашими слаженными действиями, потом обошла машину вокруг и продолжала в нерешительности топтаться рядом. Мы же времени не теряли, накачали колесо и водрузили его на место. Помявшись некоторое время, «досмотровая группа» отошла к своим. Мы, заканчивая работу, искоса поглядывали на них, ожидая продолжения водевиля. Но его не последовало. О чем-то переговорив в салоне, незадачливые досмотрщики отъехали по направлению к аулу, видневшемуся на другом берегу.

– Давай побыстрее сматываться отсюда, – сказал Гена. – Где-нибудь в другом месте умоемся... Кто знает, сколько их там, в ауле, этих новоявленных басмачей. Еще вернутся с кагалом – худо может быть.

Мы вырулили на мост, и Гена нажал на газ... Кажись, пронесло.

– Несерьёзные какие-то рэкетеры... – сказал я. – Неуверенные в себе. Наглости у них нет, нахрапа соответствующего...

– Это хорошо, что ты с кувалдой подошёл... – откликнулся, улыбаясь, Геннадий. – Хотя они – гопота аульная, но могут поднабраться опыта, и тогда жди беды. Выйдут на трассу с ружьем или с ножами – тогда другая будет песня, так просто не отмашешься.

Мы ещё некоторое время поговорили о произошедшем, а потом и выбросили эту муру из головы. Обошлось – и ладно.

– Слушай, Гена, сейчас по дороге будет село большое, Крупское называется. Там у меня хорошая подруга живет. Мы в одной группе с ней учились. И отношения поддерживаем до сих пор. Давай заедем к ней, передохнём, умоемся... – предложил я.

В Крупском действительно жила очень хорошая знакомая, Люда Шатунова, теперь – Брускина. После окончания техникума мы с ней постоянно поддерживали связь. Сама Людмила приезжала к нам в Чимкент в командировку пару раз, наговорились тогда они с моей женой до одури – однокурсницы ведь. Я же, ещё работая в конструкторском бюро, дважды приезжал по делам в Талды-Курганскую область и заезжал к гостеприимным Брускиным. Мы даже как-то умудрились съездить отдохнуть вместе с их друзьями на озеро Балхаш.

Моё предложение было принято Геннадием с энтузиазмом. И впрямь, после этих дурацких треволнений хотелось немного отдохнуть.

...Приняв тёплый летний душ, мы уютно сидели на летней кухне, потихоньку принимали «на грудь», закусывая домашними пельменями. Мы с Людой вспоминали своих ребят из группы, делились новостями, Толик Брускин рассказывал о своей работе старшего бурмастера, и рассмешил всех тем, что приволок из кладовки ведёрную бутылку китайской водки (была командировка в Китай) и, водрузив ее на стол, сказал:

– Пока не выпьем – вы не уедете.

– Так если выпьем – всё одно не уедем... – в тон ему пошутил Гена. Религиозное течение, к которому он принадлежал, позволяло принимать спиртное, но в ограниченном количестве.

В общем, тёплый получился вечер, дружеский. Так мне и сказал Гена, когда мы рано утречком вырулили на трассу.

– Хорошие у тебя друзья, Володя. Приятные люди.

– Так не только одни гаишники и бандиты встречаются на трассе. Есть и друзья, и просто нормальные люди... – отозвался я.

А дорога опять серую лентой наматывалась на колёса. Мы слушали музыку, сами пели песни, словом, всячески пытались скрасить монотонность езды. В общем, отрезок пути от Талды-Кургана до Барнаула мы прошли без поломок и всяческих ненужных нам встреч. Нормально прошли: большой отрезок пути, славящийся «плохой» репутацией, мы проскочили, зацепившись за колонну из трех КамАЗов, ехавших с солидной охраной, а ночевать останавливались у постов ГАИ. Таким образом, всё шло в штатном режиме, и мы благополучно пересекли границу Новосибирской области.

Не доезжая десятка километров до пригорода столицы Сибири, мы остановились у лесопосадки, осмотрели автомобиль и справили свои немудрёные дела. Близился конец нашего путешествия. Усевшись вновь в кабине, мы тронулись в путь. И только-только набрали крейсерскую скорость, как неожиданно слева от нас вынырнула «Волга» и высунувшийся из окна мордатый парень махнул рукой, приказывая нам сдать к обочине и затормозить.

– Ну, вот и началось... – почернел лицом Гена. – Гоп-стоп, спаси и сохрани! Откуда они вынырнули? Вот было бы кино, если бы они застали нас во время остановки...

Я тут же щелкнул замком кабины, запирая дверку.

– Володя, стекло подними, а то еще дымовуху забросят – тогда сами повыскакиваем наружу.

Да, такой приём у дорожных рэкетиров существовал: забрасывали дымовую шашку в открытое окно беспечному водителю и результат не заставлял себя ждать – автомобиль останавливался.

– Да, это не аульные баскаки, это – настоящие волки. Эти так просто не отстанут, – сквозь зубы проговорил Гена, косясь в зеркало заднего вида. – Таких кувалдой не напугаешь. У них у самих есть чем пугнуть.

– Лишь бы стрелять не начали по колесам... Хотя вряд ли решатся на это – день белый, город рядом... – сказал я, наблюдая в свое зеркало появляющуюся

время от времени «Волгу». Преследователи выбирали момент обойти нас – хоть справа, хоть слева. Наконец, они решились.

«Волга», опасно прижимаясь к нашему левому боку, стремительно пошла вперёд. Но набравший скорость Супер-МАЗ, несмотря на тяжёлую фуру, не уступал ей дорогу. А взять летящий на скорости грузовик – задача не из простых, сложная. Если возможна вообще. И выход у бандитов один – затормозить нас. А для этого им надо обязательно вырваться вперёд – в этом их удача. Тогда, снижая скорость и не давая себя объехать, они остановят нас. Расчёт здесь несложный. Таранить грузовик легковую машину не будет, это ясно, ибо тут можно сразу же очутиться виноватым, и никогда никому не докажешь обратное. Значит, выход один – остановиться. А это именно то, чего и добиваются рэкетеры на дорогах. Остановившийся автомобиль беззащитен, словно раненая антилопа, окруженная стаей гиен. А проезжающие мимо авто? – спросит читатель. А они промчатся мимо, прижав уши к затылку. Во-первых, едущим на приличной скорости не так просто осознать, что происходит на дороге: дружеская беседа или грабёж. Во-вторых, а чем, собственно, они могут помочь? Да ничем, а своё благополучие дороже. Единственная реальная помощь от них – это если доберутся до поста ГАИ и сообщат о разбое. Но где он, тот пост ГАИ? Да и не каждый отвлечётся на это – своих забот полно. Знаете, ментальность людей во времена перестройки несколько поменялась. Не у всех конечно, но у некоторых сильно даже. Словом, пока то-сё – грабителей уже и след простынет. Поэтому и не боялись они разбойничать на дорогах.

Вот такой расклад существовал на трассе во времена рыночных перемен. Как я уже говорил, сложное наступило время, непростое.

И потому мы были один на один с севшими нам на хвост бандюганами. Но и водитель Гена не первый день пребывал за рулём, стаж имел солидный и водитель он был высокого класса. Он «давил на газ», и грузовик мощно мчал вперёд. Гена вёл автомобиль «противолодочным зигзагом», легкими поворотами руля заставляя его прижиматься то к левой, то к правой стороне дороги. Тяжело груженная фура синхронно повторяла движения тягача, и нашим преследователям никак не удавалось вырваться вперёд, ибо мчащийся зигзагами на полной скорости транспортник представляет собой очень большую опасность для обгоняющих. На это мы рассчитывали. Но вскоре нам предстояло достичь пригорода Новосибирска, и скорость придется поневоле сбросить. Да ещё там будут пешеходные переходы, возрастет количество встречных авто и уже так не порезвишься. Это в кино хорошо смотреть, как герои лихо уходят на стремительно мчащемся автомобиле от злодеев. На самом деле это очень опасное занятие, в мгновение ока грозящее обернуться страшными, порой непоправимыми последствиями для всех участников.

Знали об этом и разбойники, да к тому же им чем меньше свидетелей их «работы», тем лучше. Они это прекрасно понимали, но пока им не удавалось переломить ход событий в свою пользу, и потому, вконец осатанев от безрезультатной погони, яростно пытались обогнать нас, хотя при этом и рисковали они своими жизнями в немалой степени. Но это специфика их «работы»... И стремительная погоня продолжалась.

А тем временем на трассе появилась разделительная полоса, обложенная бордюром из бетонных блоков – приближался пригород. И это придало решимости гоп-стоповцам, они понимали, что мы ускользаем от них, но так просто примириться с этим они никак не желали. Такая махина да с московскими номерами! Наверняка серьёзный, дорогой груз! Есть чем пожить! Откуда им было знать, этим обнаглевшим романтикам дорожного беспредела, что мы везём книги?

Захваченные азартом погони, они всё же решились на прорыв, рассудив, что мы не станем таранить их машину. «Волга» рванулась вперед, отчаянно пытаясь обойти нас с левого борта. Но Гена не дремал и резко принял влево. Разбойникам ничего не оставалось, как, опасаясь столкновения, уходить ещё левее. Но такой манёвр сыграл с ними злую шутку. Мчасься легковой автомобиль, ограниченный в свободе маневра на узком пространстве между нашим грузовиком и бордюром разделительной полосы, спасаясь от стремительно надвигавшегося на него грузовика, на большой скорости вылетел прямо на разделительную полосу и с ходу намертво сел днищем на бордюр. Ни скорости, ни мощи мотора «Волги» оказалось недостаточно, чтобы преодолеть силы трения. «Волга» так и осталась прочно сидеть на бордюре, словно жук, наколотый на булавку коллекционера. Гоп-стоп, господа разбойники. Пламенный привет дорожному рэкету! Теперь ваша очередь испытать силу «сварки» трением!..

А мы помчались дальше, наблюдая в зеркалах заднего вида суетящихся вокруг машины неудачливых «досмотрщиков».

Гена чуть расслабился, но тут же озабоченно обратился ко мне:

– Как нам подъехать к месту назначения, знаешь?

На книжной базе я бывал несколько раз, но приезжал не с грузом, а для отъёма денежной массы за реализованную продукцию и потому пути проезда на авто к месту назначения я не знал.

– А вдруг у них в машине радиотелефон? Вдруг тут у них большая банда? Пока будем блукать по пригородам Новосибирска, они могут и здесь нас прицучить. Машина-то у нас приметная.

– Давай, Гена, тормозни у магазина по трассе, там телефон должен быть. Я позвоню ребятам на базу, – предложил я выход.

Водитель скосил глаза в зеркало заднего вида:

– Вроде не видно бандитов. Засели они крепко, так просто не снимутся, хорошо притерлись. Да и подвеску колес запросто могли ухайдакать, когда взлетали на бордюр с такой скоростью. Хотя кто его знает? «Волга» не просто авто – это броневик, крепкая машина! Давай, следи, где появится магазин.

...Тормознули прямо у двери магазина. Я вбежал в помещение и хриплым от волнения голосом спросил у продавщиц:

– Девчата, срочно нужен телефон. За нами бандиты гонятся.

Продавщица врубилась в ситуацию с ходу и кивнула головой на дверь подсобки:

– Там, в подсобке.

Я в два прыжка подскочил к подсобке и рванул дверь на себя. В небольшом помещении находились две девушки и парень, стоявшие у стола... на котором

высилась большая куча денег. Видать, подсчитывали выручку. Да, не вовремя я ворвался. Троица торговых работников оторопело уставилась на меня, видок, у меня, конечно, был явно не для дипломатических раутов. Одна из девушек в ту же секунду упала грудью на стол, раскинув руки и прикрыв кровно заработанное. Как говорится, незванный гость...

Я стремительно поднял вверх обе руки:

– Ребята, я не грабитель. Мне нужен телефон. За нашей фурой гонятся бандиты.

Все трое синхронно кивнули на телефон, стоявший тут же, на краешке стола. Я схватил трубку и торопливо набрал номер. К счастью, отозвались сразу – нам продолжало сегодня везти. Я коротко обрисовал обстановку. Ребята с базы сказали:

– Мы сейчас едем вам навстречу. Вы где сейчас?

А кто его знает, где я сейчас? Знаю точно, что в Новосибирске. Спросил у продавцов. Они сказали адрес.

– Хорошо. Езжайте прямо. На втором перекрестке свернете направо и метров через сто припаркуйтесь. Мы вас там найдем. Уже едем...

Я от души поблагодарил продавцов за оказанную помощь и уходя сказал:

– Всё же лучше закрываться на ключ в такие моменты... – и кивнул на ворох денег на столе.

– Ну... – все трое со смущенной улыбкой только и развели руками в оправдание своего легкомысленного поведения. – Зато вас выручили.

– Это правда. Ещё как помогли. Спасибо вам огромное... – отозвался я уже в дверях, и, приложив руку к сердцу, распрощался. На этом церемония незапланированной встречи закончилась, и я поспешил к оставленной машине.

На улице ярко светило солнце и вообще был чудесный день. Я сообщил водителю «диспозицию», и мы, соблюдая все правила движения, – город-то чудой! – поехали по рекомендованному маршруту...

Всё плохое осталось позади. Но жизнь продолжалась, и впереди у нас были ещё многие сотни километров и, возможно, новые приключения, которые делают нашу жизнь интересной. Если, конечно, они благополучно заканчиваются. Как в вышеописанном рейсе.

Сентябрь, 2015 г.